

УДК 342

**ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ:
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Упоров И.В.*д.и.н., к.ю.н., профессор**Российская академия естествознания**Краснодар, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности регулирования статуса осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы, в монархический период правовой истории России, при этом выделяется такая составляющая статуса, как права арестантов во время отбывания ими наказания. Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, определявшие условия исполнения лишения свободы, которые, собственно, и отражали степень обеспеченности рассматриваемых прав осужденных. Отмечается, что на системном уровне законодатель стал обращать внимание на права арестантов только со второй половины XVIII в. в годы правления Екатерины II, когда была обозначена тенденция к большей гуманизации отбывавших лишение свободы. В дальнейшем эта тенденция неизменно продолжалась, и особенно наглядно была выражена в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка (1831 г.), а также в Общей тюремной инструкции 1915 г. Однако большинство нормативных условий содержания арестантов так и оставались на бумаге - такой отрыв пенитенциарных норм от действительности окажется характерным для всей уголовно-исполнительной истории России.

Ключевые слова: Российская империя, лишение свободы, арестанты, права осужденных, условия содержания, инструкция.

***RIGHTS OF PEOPLE SENTENCED TO IMPRISONMENT:
REGULATION FEATURES IN THE PENITENTIARY
HISTORY OF RUSSIA (16TH – EARLY 20TH CENTURIES)***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Russian Academy of Natural Sciences

Krasnodar, Russia

Abstract: The article examines the regulation of the status of persons sentenced to punishments involving imprisonment in the monarchical period of the legal history of Russia, highlighting such a component of the status as the rights of prisoners during their sentence. The relevant normative legal acts that determined the conditions for the execution of imprisonment are analyzed, which, in fact, reflected the degree of ensuring the rights of convicts in question. It is noted that at the systemic level, the legislator began to pay levies on the rights of prisoners only from the second half of the 16th century. during the reign of Catherine I, when a tendency towards greater humanization of those serving prison sentences was noted. This tendency continued in the future, and was especially clearly expressed in the Instructions to the keeper of the provincial prison castle (1831), as well as in the General Prison Instructions of 1915. However, most of the normative conditions for the detention of prisoners remained on paper - such a gap between penitentiary norms and reality will be characteristic of the entire criminal-executive history of Russia.

Keywords: Russian Empire, deprivation of liberty, prisoners, rights of convicts, conditions of detention, instruction.

Уголовное наказание в виде лишения свободы предполагает значительное ограничение прав осужденных, что логично вытекает из совершения виновным общественно опасного деяния, который, посягнув тем самым на установлен-

ный государством социальный порядок в обществе, дает основание изолировать его от общества на некоторое время. Но часть прав у осужденных, разумеется, остается, поскольку, как известно, всех прав человек лишается лишь со своей смертью. Здесь же, имея в виду наказание в виде лишения свободы, предполагается, что осужденный, отбыв определенный срок наказания, вернется в общество, соответственно государство заинтересовано в том, чтобы виновный, во-первых, испытал неблагоприятные последствия своего преступления (в виде как раз ограничения его прав, и, во-вторых, чтобы после освобождения, он не потерял человеческий облик и мог продолжать свою жизнь уже как свободный гражданин. Добиться указанной можно только путем частичного ограничения прав осужденных, оставляя у него иные права.

Такой подход в средние века стал закрепляться в законодательстве, нормами которого определялись не только составы преступлений и наказаний за их совершение, но и вопросы обеспечения ряда прав осужденных в местах лишения свободы. При этом речь идет прежде всего об основных правах человека, которые уже в более поздний период стали именовать как конституционные права, а также вытекающих из этого иных прав. В России отдельные нормы, касающиеся регулирования прав арестантов, стали появляться лишь с XVII в., а именно с Соборного уложения 1649г. [1]. В этом акте тюремное заключение как вид наказания встречается в 41 статьях, при этом указывалось, что непосредственный контроль за тюрьмами возлагался на тюремных сторожей и целовальников, которые через присягу («крестное целование») и поруку выбирались сошными людьми, а в Москве они получали жалование от тех, кто их выбрал, то есть, от «московских черных сотен» (ст. 4, 44, 95, 97 гл. XXI). В ст. 101 гл. XXI говорится о том, что «в городах тюрьмы ведают губные старосты и губным старостам доведется тюрьмы и тюремных сидельцев осматривати по часту, чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцев в тюрьмах ничего не было, чем им из тюрьмы вырезаться» [1].

В соответствии со ст. 94 гл. XXI Соборного уложения тюрьмы в Москве

предписывалось строить «государственной казною», а всем этим делом должен был заправлять Разбойный приказ. Судя по ст. 97 гл. XXI, где указывается «в городах тюрьмы строить», эта обязанность возлагалась, очевидно, на местные власти (воевод и наместников). Ряд правовых норм того времени, имевших уголовно-исполнительный характер, содержались, помимо Соборного уложения, в других правовых документах, развивая соответствующие положения уложения. В частности, согласно Указу 1687 г. [2, с. 184] из московских приказов по письмам воевод о плохом материальном положении тюрем на места направлялись подъячие с целью проверки тюрем. Они должны были, если тюрьмы действительно нуждались в ремонте и если требовалось строительство новых тюремных заведений, определять соответствующие расходы и доносить результаты в приказ, где и принималось соответствующее решение. Вероятно, здесь можно уже говорить о прообразе некоторых прав «тюремных сидельцев», в данном случае на определенные условия содержания. Однако гарантии этих прав были, разумеется, чрезвычайно слабыми. Так, арестанты вынуждены были сами заботиться о своем пропитании; их либо кормили родственники, либо они просили подаяние, для чего их партиями водили по городу, а собранное делилось на всех поровну [3, с. 122].

О тяжелом положении «сидельцев» свидетельствует ряд документов. Так, в одной челобитной говорится: «пожалуй меня сироту своего, вели из-за решетки свободить, чтоб сидя мне сироте твоему за решеткою голодною смертью не умереть» [4, с. 431]. Характеризуя данный период развития лишения свободы, И.Я. Фойницкий отмечал, в частности, что в тюрьмах того времени на каждого сидельца приходилось очень мало пространства, правительство не заботилось ни об одежде, ни о пище сидельцев, которые продовольствовались за счет общественной благотворительности [5, с. 315]. Помещаемые в тогдашние тюрьмы сидельцы не различались на следственных и наказанных и содержались по казарменному типу. Одинокое заключение было исключением, диктовавшимся практической необходимостью изолировать лиц, которые своим поведением

могли бы иметь опасность для других либо особо важных арестантов.

С начала XVIII в. в контексте рассматриваемой проблематики имели место определенные изменения, появился новый вид лишения свободы - «сослание на каторгу» («на галеру»), каторжане начинают целенаправленно использоваться государством в качестве дешевой рабочей силы для решения экономических задач. В некоторых документах регулируются отдельные вопросы порядка отбывания ссылки на каторгу. Так, А.Н. Филиппов указывает, что в Указе 1720 г. речь шла о свиданиях осужденных с родственниками и о «свободе» жен осужденных на вечную ссылку: «К каторжным невольникам, которые посланы на урочные годы, женам и детям ходить не возбранно, а которые сосланы в вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, и в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умрет» [6, с. 191]. Как видно, здесь рассматриваются некоторые гуманные меры к осужденным преступникам, хотя, очевидно, что такие меры были обусловлены не столько пониманием гуманного подхода, сколько стремлением извлечь больше экономических выгод.

В дальнейшем идеи гуманизма все же стали проникать в сферу пенитенциарной деятельности государства, и это связывается прежде всего с Екатериной II, которая в 1767 г. напечатала свой известный «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения». В контексте рассматриваемой темы интерес представляет прежде всего глава X этого документа, который хотя и не имел прямого юридического действия, однако оказал определяющее воздействие на дальнейшее развитие института правового положения осуждаемых к лишению свободы. Так, в ряде статей «Наказа» дается четкое указание на необходимость раздельного содержания находящихся в тюрьме под стражей и уже отбывающих тюремное заключение, осуждается применение пыток, подчеркивается важность неотвратимости наказания («весьма нужно, без сомнения, чтобы никакое преступление, ставшее известным, не осталось без наказания»). Заслуживает также внимания мысль об эффективности длительного тюремного заклю-

чения, имея в виду предупредительные цели. Указывается также, что лишение свободы должно сопровождаться трудом (принудительным). В этом случае имелось в виду, что на население сдерживающее (устрашающее) влияние будут оказывать тяжелые условия, в которых содержались осужденные к тюремному заключению и к каторжным работам.

Однако многие из декларируемых императрицей и правильных сами по себе гуманных мер не находили реализации в пенитенциарной практике, учитывая, как отмечалось, что «Наказа» не являлся законодательным актом. И еще во второй половине XVIII в. места лишения свободы содержались в очень плохих условиях, осужденные («колодники», «тюремные сидельцы») по-прежнему выводились за прошением подаяния – вопреки официальным запретам[7, с. 194]. А по мнению И.С. Джабадари и вовсе лишение свободы в те времена и вообще «переносилось тяжелее, чем смертная казнь» [8, с. 27]. Можно заключить, что «колодники» испытывали немалые физические страдания, которые по мысли «Наказа», и составляли основу «предупреждения». Однако это обстоятельство противоречит положению «Наказа» о том, что преступнику не следует причинять «лютых» мучений. Здесь можно констатировать противоречивость развития института правового положения осужденных к лишению свободы.

Ситуация с точки зрения законотворчества стала сдвигаться после посещения России известного филантропа в тюремной сфере Д. Говардом. Екатерина II, желая и в России привнести передовой тюремный опыт, пришла к мысли о необходимости создания соответствующего нормативного документа – Устава о тюрьмах. Проект этого документа был составлен в 1787 г. и подробно описан М.А. Филипповым (однофамильцем другого вышеупомянутого автора периода империи). В частности, отмечается, что в проекте Устава учтен (позаимствован) опыт организации тюрем в европейских странах. Предусматривалось, в частности, раздельное содержание преступников в зависимости от характера совершенного общественно опасного деяния, а также по признакам пола, вида наказания. Устанавливались основные требования к устройству тюремных зда-

ний и помещений, определялись режимные правила, а также вопросы управления тюремных заведений. Тюремь должны были подчиняться государственному надзирателю правосудия. Кроме того, предусматривались обязательные работы – частично по системе келейного и одиночного заключения, частично – с сохранением общего размещения. В проекте много внимания уделялось архитектуре, санитарии и гигиене тюремных зданий. Тюрма в губернском городе должна была состоять из трех специальных подразделений: 1) для приговоренных к смерти; 2) для приговоренных к вечному заключению; 3) для приговоренных к каторге. Место для тюрем предписывалось выбирать «близ проточной воды» и «на вольном воздухе». Вопросы привлечения лишенных свободы к труду и дисциплинарной практики обходились молчанием; указывалось лишь право помещика переводить арестанта в «темную тюрьму замка». О телесных наказаниях даже не упоминалось, хотя в практике в тот период они были достаточно распространены. Проект требовал, чтобы арестантам «в горницы пища в определенное время приносима была», чтобы «в студное время тюремные не претерпевали от стужи или в жары от духоты», чтобы «по времени и по состоянию пристойную одежду имели». Питание должно было подаваться в зависимости от сословного положения арестанта. Бесплатно пища полагалась лишь для неимущих; имущие же обязаны были содержать себя сами[9, с. 41-41].

Однако тот проект так и не стал законом – императрица не решилась на его утверждение. Однако мы не можем согласиться с мнением о том, что Устав о тюрьмах был лишь «плодом воображения и фантазии императрицы, не сделавшей ничего практического для реализации своих идей» [10, с. 25]. Как отмечалось выше, в нем нашли отражение передовые пенитенциарные идеи того времени. Кроме того, уже сам факт обсуждения вопроса о тюрьмах на высшем правительственном уровне может свидетельствовать о шаге вперед, поскольку в России положению мест лишения свободы до этого длительное время должного внимания со стороны государства не уделялось. Не нужно забывать и того

обстоятельства, что именно при Екатерине II в России появилась научная, теоретическая основа решения проблем, связанных с назначением и исполнением наказания в виде лишения свободы и прежде всего в части регулирования правового положения отбывающих наказания в тюрьмах. До этого законодатель шел едва ли не вслепую, ориентируясь исключительно на практику, которая не исследовалась, не обобщалась, и решения, таким образом, принимались без учета существующих закономерностей развития общественных отношений в рассматриваемой области. Обратим внимание еще на то обстоятельство, что в российской пенитенциарной сфере после проекта Устава о тюрьмах несколько десятилетий (до принятия Устава о ссыльных 1822 г.) не было каких-либо заметных проявлений правовой мысли и принятия соответствующих крупных правовых актов, что лишний раз подтверждает значение екатерининского законопроекта. Дальнейшее развитие институт правового положения лиц, осуждаемых к лишению свободы, находит в Уставе о ссыльных 1822 г. [11] и Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. [12]

Так, Уставом о ссыльных выделяются значительные по объему главы о браках и «семействах» ссыльных (ст. 179–214) и «об имуществах» ссыльных» (ст. 215–228), где регулируется правовое положение членов семей осужденных к ссылке в каторжные работы и на поселение, а также вопросы владения, использования и распоряжения собственностью осужденных. Исходя из современной классификации отраслей права, большая часть этих норм относится к семейному и гражданскому праву, нежели уголовно-исполнительному. В частности, вызывает интерес норма о том, что если «супругами изъявлена готовность следовать за осужденными, то, отправляя их по желанию, губернские правления снабжают от казны таких лиц, равно как и находящихся при ссыльных детей, недостающею им одеждою и обувью, нужную по времени года, на общем положении об арестантах, а также кормовыми деньгами в одинаковом с ними количестве» (ст. 191). В следующей статье еще раз особо подчеркивается, что «издержки на определенные законом пособия добровольно следующим с

ссылными их семействам относятся за счет казны». На государственное казначейство относились также расходы на возвращение, по собственному желанию, тех из добровольно последовавших за ссылными лиц, которые в месте ссылки потеряли отца или мужа, не обзавелись еще хозяйством и не имеют при том собственных средств на обратный путь (ст. 209). Кроме того, ежегодно из государственного бюджета отпускались суммы на расходы по выдаче пособий на содержание приютов и школ для детей ссыльных, а также семействам ссыльно-каторжных Забайкальской области.

Следует в этой связи подчеркнуть то обстоятельство, что в случае осуждения преступника к ссылке в каторжные работы из поля зрения государства не выпадала забота об его семье, что объективно способствовало сохранению семейных связей, а значит исправлению осужденных (вместе с тем нельзя не признать, что важная цель этой нормы заключалась и в том, чтобы создать условия для закрепления каторжника для жизни в Сибири после перевода его в разряд поселенцев). В другом указанном акте - Инструкции смотрителю губернского тюремного замка впервые комплексно отрегулированы вопросы исполнения наказания в виде тюремного заключения. Так, согласно ст. 219 к обязанностям смотрителя тюремного замка относилось, «поколикु возможно, и попечение об исправлении незакоснелых преступников, в особенности несовершеннолетних, впадших в преступления по неопытности и незрелости рассудка; к сему требуется непременно содействие священника замка поучениями и наставлениями» [12]. В ст. 237 говорилось о необходимости приобщения арестантов к труду с целью «склонения» их к исправлению нравственному, привычке трудиться, дабы быть после освобождения полезным себе и семейству. Отметим и то, что в отношении арестантов несовершеннолетнего возраста предусматривалось обучение их чтению, письму, арифметике, «сколько удобность позволит» (ст. 214).

Как видно, государство предписывало исправлять лишенных свободы, и, следовательно, тем самым заботилось о том, чтобы в общество возвращался законопослушный гражданин. Например, предусматривалось, что «смотритель

обходится с находящимися под надзором его арестантами кротко и человеколюбиво; он старается приобрести их к себе доверенность расспрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами; но в исполнении своих обязанностей поступает со всей точностью и твердостью. При назначении наказаний смотритель должен соблюдать спокойствие духа и отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы тем самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости» [12] (ст. 205). Много внимания уделяется бытовым условиям содержания арестантов (а это составная часть института правового положения осужденных), которые, как видно из нижеприводимых норм, вполне позволяли соблюдать человеческое достоинство арестантов. Раз в неделю предусматривалось мытье в бане (ст. 53). В соответствии со ст. 55 предписывалось «употребляемые содержимыми в тюремном замке арестантами платье, белье и прочее переменять вымытым: одеяла и наволочки через два месяца; онучи один раз в месяц; простыни и наволочки верхние два раза в месяц; рубашки, чулки и прочее белье один раз в неделю; постилку в подушках новую через четыре месяца. Летнее платье, войлоки, на коих они спят, переменять новыми, смотря по надобности» [12]. «Войлоки» нужно было осматривать «весьма часто и наблюдать, чтобы в оных не завелась нечистота; для сего выносить их на воздух для освежения» [12] (ст. 57). Ежедневно помещения полагалось проветривать (ст. 58); камеры и коридоры выметать ежедневно по утрам, окна же «вытирать по крайности два раза в неделю, а ежели нужно и чаще» [12] (ст. 59). Согласно ст. 60 полы и нары в камерах выкрашивались «краскою на масле»; они, равно как коридор и лестницы, должны были вытираться «мокрыми швабрами» каждую неделю, а стены предписывалось выбеливать, по крайней мере, один раз в год. Посуда, употребляемая в тюремном замке, должна была содержаться в чистоте, «наблюдая, чтобы медная была всегда вылужена» (ст. 62). В ст. 65 указывалось, что «опрятность в комнатах, светлость воздуха и вообще чистота в тюремном замке должны быть наблюдаемы со всей строгостию» [12].

Поддержанию в тюремном замке тепла и освещения были посвящены целые, хотя и небольшие по объему главы (гл. VII, VIII). Значительное место в Инструкции занимали нормы, регулирующие вопросы, связанные с болезнями и лечением от них арестантов (гл. XI). Подчеркивалось, в частности, что условия содержания в тюремном лазарете и лечение должны полностью соответствовать общим правилам в больницах (ст. 172, 173). Врач в тюремном замке обладал довольно большими полномочиями (помимо собственно лечения больных). Согласно ст. 181 он обязан был обходить тюремный замок «всякий день и уверяться о состоянии тюремного замка в предметах, относящихся к сохранению здоровья арестантов». Если при этом врач найдет «где-либо нечистоту или воздух спертый или нечистый, то немедленно прикажет младшему надзирателю или надзирательнице об исправлении, а в нужных случаях объявит и смотрителю» [12] (ст. 182). Врач «отведывает» пищу и питье, «заготавливаемые в тюремном замке, и в случае дурного качества уведомляет о том смотрителя; также осматривает приносимые в подавание припасы, дабы не было в них примешано вредного» [12] (ст. 183). Что касается регулирования труда арестантов, то согласно ст. 236 «для занятия содержащихся в тюремном замке должны быть учреждены в самом замке различного рода работы». В ст. 237 предписывалось, чтобы «работы сии для каждого из арестантов избирались такие, кои, сколь возможно, во время их заключения занимали бы их, не позволяли бы им быть праздными, приучали к порядку, к правильному употреблению времени, к подчиненности и повиновению, дабы, по возвращению в недра общества, соделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться» [12].

Нельзя не признать, что российский законодатель того времени закрепил правовые нормы, стремясь к тому, чтобы даже преступников не выбрасывать за борт жизни, заботясь об их будущем. Затем вопросы правового положения осуждаемых к лишению свободы находят отражение в таких крупных нормативных актах, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

[13] и Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г. [14] (с последующими изменениями этих актов, которые после издания включались в Свод законов Российской империи, который действовал до конца империи). Здесь необходимо выделить то обстоятельство, что законодатель четко выделяет несколько видов наказаний, связанных с лишением свободы. Так, отдача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства влекла за собой потерю всех особенных прав и преимуществ лично или же по состоянию или званию присвоенных (п. I ст. 34 Уложения). Начальнику арестантских рот вменялось в обязанность заботиться о нравственном исправлении арестантов. Для этих целей при арестантских ротах состоял священник в качестве духовного отца и наставника роты (ст. 1051). Ежедневно, утром и вечером, читались молитвы, в праздничные дни арестанты выводились в церкви к литургии (ст. 1051–1052). Для возбуждения и поддержания в арестантах стремления к исправлению предписывалось «время от времени читать им наставления об обязанностях христианина и подданного, о степенях наказаний и постепенном облегчении участи раскаивающегося в своей вине преступника, указывая, когда нужно, на статьи законов, коими определяются сии облегчения для арестантов, отличающихся хорошим поведением» (ст. 1057). В конце каждого месяца ротный командир должен был делать общее заключение о поведении каждого арестанта, в обязательном порядке записывая взыскания, если они на него налагывались (ст. 1056). Арестанты первого разряда, отличившиеся в течение 2-летнего пребывания в роте добрым поведением, исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду, или проявившие успехи в изучении мастерства, причислялись в особый отряд исправляющихся; арестанты второго разряда в этот отряд могли попасть спустя год (ст. 1058). Для арестантов отряда исправляющихся предусматривалась особая одежда (ст. 1060), они выводились на работы отдельно от других, и стража при них могла быть уменьшена (ст. 1061); телесным наказаниям они подвергались не иначе как с разрешения Попечителя роты и ротного командира (ст. 1062).

Как видно, государство определенным образом обеспечивало права прав осужденных, закрепляя их законодательно. Аналогичным образом регулировался статус осужденных к другим видам лишения свободы. Вместе с тем фактические условия содержания арестантов зачастую были еще далеки от нормативных. Так, в заключении прокурора Тамбовского окружного суда указывалось, что местная тюрьма (речь идет о начале XX в.) «вообще неудовлетворительная в санитарном отношении, имеет как снаружи, так и внутри довольно грязный и неприглядный вид. Крайняя сырость в некоторых камерах, сопровождаемая специфическим запахом, и испорченная в них вследствие этого атмосфера, в связи с многочисленными заявлениями арестантов об испытываемой ими головной боли вынудили прокурорский надзор... обратить на это явление внимание местного тюремного отделения» [Цит. по: 15, с. 261]. Приводя эти и другие указанные выше архивные сведения, М.Г. Детков отмечает, что таково было «повсеместное положение тюремного дела в России» [16, с. 23].

В дальнейшем принимались еще правовые акты, в которых, среди прочих, регулировались вопросы обеспечения прав осужденных к лишению свободы. Среди них следует отметить принятую в рамках известных либеральных реформ 1860-х гг. Инструкции об устройстве помещений для лиц, подвергаемых аресту по приговорам мировых судей 1866 г. [17]. Здесь указывалось, в частности, что арестные помещения должны находиться на сухой почве; окна должны быть обращены на солнечную сторону, а по близости его не должны находиться ни стоячая вода или болотистое место, ни какие-либо другие заведения или места, источающие зловредные испарения. Говорилось о том, что «чем меньше будет помещено заключенных в одной комнате, тем лучше, но во всяком случае не следует помещать более 10 человек в одну комнату» [17]. Согласно ст. 11 площадь, отводимая для каждого заключенного, с помещением на ней кровати и других вещей, должны быть не менее 65 кв. футов (около 18 кв. м.). Устройство нар запрещалось, на каждые две кровати должно было предусматриваться не менее одного окна. Инструкцией запрещалось держать в арестных помеще-

ниях сосуды для мочи, кадки с помоями, грязное белье и «вообще разную рухлядь». Удивительно, но часть из этих требований и сейчас в уголовно-исполнительной системе России не могут быть выполнены. Но составители инструкции явно переоценили реальные возможности материальной базы тюремной системы России – в своей значительной части указанные правила воплощены не были[18].

В 1915 г. министром юстиции была утверждена Общая тюремная инструкция[19]. Здесь также говорилось о необходимости соблюдения чистоты в тюремных помещениях и правильным содержанием арестантов с точки зрения гигиены. В литературе справедливо подчеркивается прогрессивность таких норм, как право арестантов «беспрепятственно обращаться с просьбами и жалобами по поводу условий содержания, а также принятие по ним соответствующих мер», а также обязанность иметь в штате тюрем и отделений для женщин надзирательниц женского пола, чего раньше не было[20, с. 206]. Эта инструкция, безусловно, в значительной степени соответствовала современным на то время пенитенциарным требованиям. После октябрьской революции в 1917 г. властью большевиков она была аннулирована, но общая тенденция к гуманизации условий содержания лишенных свободы советской властью в первые годы ее функционирования была продолжена, о чем может свидетельствовать программное положение Программы РКП(б) 1919 г. о замене тюрем воспитательными учреждениями, однако в дальнейшем повторилась общий фундаментальный недостаток отечественной пенитенциарной системы – существенное несоответствие нормативных положения и фактического положения в местах лишения свободы.

Библиографический список

- 1 Соборное уложение 1649 года.: текст и комментарий / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1990.
2. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.

3. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
4. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т.3.
5. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 315.
6. Филиппов А.Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.
7. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX столетия). СПб., 1895.
8. Джабадары И.С. Смертная казнь в связи с правом наказания. СПб., 1895.
9. Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений в России и за границей. СПб., 1873.
10. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994.
11. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865. С. 657–632.
12. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Сост. Т.М.Лопато. Пермь, 1903. С.134-156.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08. 1845 г. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.
14. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. Т. XIII–XV. СПб., 1914.
15. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.2. М.: Госюриздат, 1961.
16. Уголовно-исполнительное право России / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1997.
17. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 22–24.
18. Кашоида В.В. Исторические аспекты развития в России института

конституционных прав осужденных к лишению свободы // Общество и право. 2014. № 2. С. 87-92.

18. Общая тюремная инструкция 1915 г. Утверждена г. Министром юстиции 28 декабря 1915 года. Пг., 1916.

19. Пертли Л.Ф. Общая тюремная инструкция 1915 года как историко-правовая основа пенитенциарного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 199-207.

Оригинальность 80%